

как не подобает мужчине, быть «бабой»). Специфическими для белорусского языка являются признаки ‘помощь’, ‘ласка’ в семантике слова *мужчына* (...і ён павінен чымсь **пасабіць, як мужчына**...; адчувалася **нерастрачаная жаночая пяшчотнасць і жадаанне мужчынскай ласкі і моцы**) и ‘болтливость’ в значениях слова *жанчына* (*Ты шмат п’еш, Дзітрых, а калі чалавек вып’е, ён робіцца **балбатлівы, як жанчына***).

Лингвоспецифические свойства, сопряженные с семантическим признаком пола в значениях исследуемых единиц, представлены единичными признаками из группы психологических и поведенческих свойств и, вероятно, обусловлены социально детерминируемыми стереотипными представлениями об отличительных чертах представителей разных полов. Таким образом, гамма свойств, профилируемых в значениях этих слов, репрезентирует представления не только о естественном противопоставлении по признаку пола, но и о гендерной дифференциации лиц в исследуемых языковых сообществах. Некоторые выявленные в исследуемом материале компоненты репрезентируют элементы концептуальной информации о весьма тонких ассоциациях с гендерно-обусловленными характеристиками, которые ложатся в основу сложных авторских образов и идентифицируются носителями языка в созданном контексте посредством широкого спектра фоновых знаний и ассоциаций: ...*джунглі. Дыханне іх было, як подых жанчыны ля яго вуснаў; I was told once that a good vintage should be like a woman – full-bodied and generous.* ‘Однажды мне сказали, что **хорошее винтажное вино должно быть, как женщина – полнотелое и благородное**’.

В силу того, что лексические единицы *man*, *woman* в английском языке и *мужчына*, *жанчына* в белорусском языке формируют ядро семантической категории пола, репрезентируя в своих значениях все многообразие концептуального знания о типичных характеристиках оппозиции ‘мужское – женское’, встает вопрос об универсальности и культурной обусловленности выявленных характеристик. Результаты проведенного исследования показали наличие широкого круга общих свойств в значениях данных номинаций. Тем не менее, установление того, какие из выявленных общих признаков репрезентируют общеевропейские представления об исследуемой категории, а какие свойства репрезентируют кванты универсального для всех людей знания о противопоставлении по признаку пола, должно стать целью дальнейшего исследования вопросов взаимодействия языка, мышления и культуры.

З. А. Харитончик, Лю Янь

МОДЕЛЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДЕСКРИПЦИЙ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Важнейшей задачей и главной трудностью лексикографов при составлении толкового словаря, как известно, является выбор из всего имеющегося объема знаний об именуемых классах объектов, явлений, отношений и т.д. той информации, которая позволит его пользователям легко и однозначно

распознать семантику лексических единиц и идентифицировать обозначаемые ими сущности. Насколько неоднозначными могут быть решения, принимаемые авторами словарей, легко увидеть из вариативности лексикографических дефиниций, репрезентирующих значения одних и тех же слов в разных толковых словарях того или иного языка, и еще более из своеобразия лексикографических дескрипций эквивалентных единиц в словарях разных языков. Так, в Семантическом словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой слово *лошадь* имеет значение ‘крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. д.’¹, в то время как в Словаре современного китайского языка о Мǎ 马 сообщается: Bǔ rǔ dòng wù, jǐng shàng yǒu zōng, wěi shēng zhǎng máo, sì zhī qiáng jiàn, shàn pǎo, gōng rén qí huò lā dōng xī. 1. 哺乳动物, 颈上有鬃, 尾生长毛, 四肢强健, 善跑, 供人骑或拉东西。 что это ‘млекопитающее, с гривой на шее, длинным волосяным хвостом, сильными конечностями, умеет бегать, используется для перевозки людей, грузов’. В толковом словаре Лонгман современного английского языка слову «horse» ‘лошадь’ дается следующая дефиниция – a large strong animal that people ride and use for pulling heavy things ‘большое сильное животное, на котором ездят люди и которое они используют для перевозки тяжестей’. Различия, как явствует из приведенных описаний, затрагивают не только классифицирующий компонент значения, иерархический уровень представления которого не совпадает – ‘млекопитающее’ в китайском языке, ‘животное’ в английском и ‘домашнее животное’ в русском, но и более конкретные типы информации об обозначаемом животном. На фоне общего для дефиниций в анализируемых словарях указания на функции лошади (ее использования для перевозки людей, грузов и т. д.) выявляются различия в описании физических свойств лошади. В словаре китайского языка дается детальная дескрипция внешнего вида, строения лошади (наличия гривы, хвоста, конечностей с их перцептивными характеристиками), подчеркивается умение бегать. Дефиниция в словаре английского языка оказывается в этом плане более краткой и содержит только информацию о размере и силе лошади, в то время как в словаре русского языка она ограничивается лишь указанием на размер животного.

Нельзя не заметить, однако, что при всех различиях в информации, содержащейся в словарных семантических дескрипциях словозначений одной лексико-семантической группы (в данном случае – наименований животных), лексикографы следуют некоторой модели описания значений единиц группы (единому семантическому стержню, в концепции А. Вежбицкой). Относительно наименований животных эта модель в ее максимальном виде включает, в первую очередь, классифицирующий компонент, а также информацию о строении, размере, силе и других перцептивных свойствах как животного в целом, так и его частей, возможностях использования людьми (функцию), месте обитания (для диких животных).

¹ При анализе лексикографических дескрипций мы ограничиваемся только той частью дефиниции, которая представляет собой экспликацию значения слова, и не затрагиваем грамматические аспекты в описании.

Очевидно из сравнения лексикографических дескрипций словозначений одной лексико-семантической группы и то, что внутри модели существует дифференциация компонентов, ее составляющих, на обязательные и факультативные. Примечательно, что обязательным компонентом семантического описания в толковых словарях является информация о принадлежности обозначаемого к тому или иному классу. В описаниях наименований животных эта информация может быть частью научной таксономии животного мира (млекопитающее, парнокопытное, жвачное и т.д.) или составлять фрагмент наивной систематики мира (домашнее/дикое животное). Полученные данные свидетельствуют также и о том, что важным фактором при выборе знаний, репрезентируемых в значениях лексических единиц, является известность того или иного животного носителям языка. Если авторы толковых словарей русского языка считают необходимым включить в семантическую дескрипцию слов *тигр*, *леопард*, *слон* и др. сведения о местах обитания обозначаемых видов диких животных, то в толковом словаре китайского языка данная информация в описании слова Нǔ 虎 ‘тигр’ опускается, по-видимому, как хорошо известная жителям Китая.

Таким образом лексикографическая практика демонстрирует самым убедительным образом то, что в репрезентируемом языковыми единицами знании о мире ядерным и самым значимым является знание о категориальной принадлежности обозначаемого класса объектов, явлений, в обобщенном виде представляющее в классифицирующем компоненте значений слов, за которым следует функция, отражающая связь обозначаемого с человеком. Разнообразие характеристик объектов, объединяемых в категорию по принципу фамильного сходства, лежит в основе вариативности лексикографического описания как в единой, так и в разных лексикографических традициях.

Е. Э. Шуранова

О КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПУСТЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Традиционно под именами понимаются все слова и словосочетания, выступающие в суждениях как обозначения каких-либо объектов, денотатов. Однако во всех европейских языках есть имена, которые способные к нереперенциальному, безденотатному употреблению, например, *дыра/das Loch*, *прорубь/das Eisloch*, *глазок/das Guckloch*, *лазейка/das Schlupfloch*, *шурф/der Schurf*, *впадина/die Senke*. Из примеров видно, что сущности, выражаемые данными именами, обозначают пустые пространства. В работе представлены результаты исследования типов пустых пространств, получающих обозначения данными именами в немецком и русском языках. Для этого из толковых словарей немецкого и русского языков методом сплошной выборки отобраны все имена, в дефиницию которых входят слова типа *отверстие*, *пустота*. Выборка для немецкого языка составила 114, а для русского – 79 единиц.